

УДК 1: (091)

**НАУКА – УНИВЕРСИТЕТ – ГОСУДАРСТВО
В МИРОВОЗЗРЕНИЯХ Н.О. ЛОССКОГО И М.К. ПЕТРОВА****SCIENCE – UNIVERSITY – STATE
IN OUTLOOK N.O. LOSSKY AND M.K. PETROVA****Е.В. Сердюкова
E.V. Serdyukova***Южный федеральный университет,
Россия, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42**Southern Federal University,
105/42 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, 344006, Russia**E-mail: serd-elena@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируются взгляды двух представителей разных периодов отечественной философской мысли XX века Н.О. Лосского и М.К. Петрова, относительно их понимания сущности университета, его места и роли в государстве, взаимосвязи с наукой. Лосский задает органическую цельность науки в качестве ее конечного идеала и отмечает тесную связь между наукой и университетом. Лосский отстаивает идею автономности, независимости университета от государства и особое значение придает принципу академической свободы на всех уровнях. М.К. Петров в своих работах рассматривает становление университета как социального института, анализирует историю университетской науки и особо подчеркивает тот факт, что для своего существования наука нуждается в социальных партнерах – человеке и государстве.

Resume. In article views of two representatives of the different periods of Russian philosophical thought of the 20th century of N. O. Lossky and M. K. Petrov concerning their understanding of essence of university, his place and a role in the state, interrelation with science are analyzed. Lossky sees organic integrity of science as her final ideal and notes close connection between science and university. Lossky defends the idea of autonomy, attaches independence of university of the state and special significance to the principle of the academic freedom at all levels. The student is free when forming the educational trajectory, and professor, they scientists, have to be free in definition of the research trajectory of search of the truth. M. K. Petrov in the works considers formation of university as social institute, analyzes history of university science. M. K. Petrov sees in the person and in the state of the main social partners of science who provide her activity and act as conditions of her existence and functioning as social institute. The science, the state and the person depend from each other. Both thinkers are uniform that the science needs the free, talented people capable independently to think, create new communications of the ideas.

Ключевые слова: университет; философия; наука; государство; социальный институт.

Key words: university; philosophy; science; state; social institute.

Н.О. Лосский и М.К. Петров представляют два разных периода и две разных мыслительных эпохи отечественной мысли – русское послеоктябрьское зарубежье (первая половина XX века) и советский период (вторая половина XX века). Несмотря на то, что Н.О. Лосский был представителем религиозной философии, а М.К. Петров многие годы своей жизни отдал исследованию науки, есть одна общая тема, которая позволяет поставить на одну исследовательскую плоскость две эти, на первый взгляд, разные фигуры. Эта тема – университет, его место и роль в государстве, связь науки с университетом. Особое внимание мы предлагаем уделить статье Н.О. Лосского «Освобождение науки от опеки государства» и его заметке «Единство науки и университет», а также работам М.К. Петрова «Университет в системе социальных институтов» и «Самосознание и научное творчество».

Оба мыслителя огромное внимание уделяют университету в его связи с наукой. М.К. Петров, рассматривая становление университета как социального института, этого «крупнейшего социального изобретения Средневековья» [Петров, 2015, с.67], выделяет два периода – до Гумбольдтовской реформы, когда наука и университет абсолютно самостоятельны и период, когда благодаря Гумбольдту наука привносится в университет и постепенно срастается с ним в одно целое. Лосский описывает уже постгумбольдтовское состояние системы образования, особо отмечая тесную связь между наукой и университетом. Следует особо отметить, что свои заметки Н.О. Лосский пишет еще до высылки из России, в тесной связи с обсуждением в русской научном сообществе проектов двух новых университетских уставов, принимавшихся в 1905 и в 1915 гг. [Ермичев, 1993, с.64].

Описывая состояние науки на тот период времени, Лосский фиксирует следующие имеющиеся важные тенденции в науке, а именно: 1) расширение границ науки, которая так сильно разрослась, что в индивидуальное человеческое сознание «умещается только незначительная дробь его великого целого», а носителем науки в наше время может быть только коллективное сознание всего человечества [Лосский, 1993, с.64]; 2) все большая дифференциация наук, появление новых отраслей знания (астрофизика, физическая химия, психофизиология и т.п.). При этом для Лосского очевидно, что процесс дифференциации есть в то же время 3) процесс интеграции и координации, поэтому ни о каком распаде науки, ее разложении или измельчании речь не идет. Более того, Лосский утверждает органическую целостность науки в качестве определенного конечного идеала, задавая некое направление, вектор движения науки – от простого единства, когда вся наука могла уместиться в одном уме, например Аристотеля, к бурному росту науки, накоплению множества знаний, которое со временем вызвало процесс дифференциации науки («антитезис» в гегелевском понимании), и далее через «синтез» – кооперацию и интеграцию, когда «завязываются связи между такими науками, которые до сих пор казались вовсе не стоящими рядом» – приведет к конечной цели – органическому единству науки, которое «существует лишь там, где есть связь каждого со всеми и всех с каждым» [Лосский, 1993, с.66]. Тезис Лосского об органическом единстве науки как ее неизбежном будущем несколько декларативен. Он пишет: «процесс эволюции науки настолько уже подвинулся вперед, что наличность этого высшего единства в зачаточной форме и неизбежное в будущем полное осуществление его не подлежит сомнению» [Лосский, 1993, с.66]. Еще один интересный факт: у Лосского нет понятия «прогресс науки», собственно как и при рассмотрении исторического процесса и развития человечества философ предпочитает употреблять слово «эволюция». Такой подход вполне понятен, учитывая, что Лосский является представителем иерархического персонализма и понимает мир как органическое целое, где социальное и природное являются составляющими единой системы мироздания.

М.К. Петров также уделяет внимание процессу роста научного знания с последующей дифференциацией. По мнению М.К. Петрова, именно греки первыми реализовали «основу основ любой дисциплинарности, в том числе и научной, – преемственное накопление личных вкладов в чисто теоретической и не имеющей прямых связей с практикой форме. Наиболее изученным и хорошо известным примером является греческая философия, хотя следы того же типа социализации-отчуждения индивидуальных вкладов в общесоциальное достояние можно обнаружить в греческой живописи, литературе, скульптуре, архитектуре» [Петров, 2015, с.67].

Такой тип «накопления-отчуждения индивидуальных вкладов» имеет несколько особенностей: накапливаемый материал организуется в некую целостность, где любой последующий вклад опирается на группу предшествующих (единая сеть цитирования) и требует для своего понимания знакомства с этими предшествующими; другой особенностью является открытость такой схемы накопления, где «всегда существует возможность появления новых вкладов, причем эта возможность не исключение, а единственно доступный для индивидов способ существования для дисциплины: философ, не сделавший своего вклада и не связавший его с предыдущими, также не существует для философии, как, скажем, и физик, не опубликовавший ни одной работы, для физики» [Петров, 2015, с.67]. Третьей особенностью этой схемы накопления является противоречие – между открытостью, которое делает накопление индивидуальных вкладов бесконечным процессом, и ментальной «вместимостью» индивида, которая устанавливает предел на любые каналы трансляции, т.е. речь идет о том, что есть некий лимит накопленного традицией знания, которое человек способен в себя вместить. Как отмечает М.К. Петров, античность выработала три основных типа дисциплинарной реакции на это противоречие: а) историческое сжатие; б) теоретическое сжатие; в) предметное расплоднение. Последнее как раз и означает дифференциацию знания, в результате которого начинают существовать две или несколько «информационно изолированных дисциплин», так что «современное предметно-дисциплинарное членение мира во многом обязано процессу расплоднения» [Там же]. Основные механизмы дисциплинарности были созданы и отработаны еще теологией, собственно, опытная наука появилась на свет благодаря естественной теологии.

М.К. Петрова интересует вопрос возникновения университетской науки. Изначально наука возникла за пределами университета, организационно оформлялась сначала в виде кружков, обществ и национальных академий. Только благодаря реформам Гумбольдта наука постепенно внедряется в университет и примерно к концу XIX в. во всех странах, принадлежащих ныне к «развитому» миру, «распространился и институционализировался единый тип подготовки научных, научно-технических, административных и академических кадров высокой и высшей квалификации, который практически во всех странах сохранил традиционное название «университет»» [Петров, 2015, 68–69]. Новый университет в отличие от средневекового получил дополнительные функции – а) объединение преподавания и научного исследования на уровне кафедр; б) воспроизводство и распространение научно-критической установки, научного мировоззрения» [Петров, 2015, 70].

Из ранга института церкви университет переходит в ранг «свободного» социального института, и если раньше университет работал на поддержку и укрепление существующего социального порядка, то теперь, «удочерив опытную науку, наладив систематический и преемственный процесс

накопления научного знания, подготовку научных кадров», университет выталкивается на позицию более или менее признанного критика наличного социального порядка, способного теоретически обеспечить социальное изменение, революционную практику в широком ее понимании» [Петров, 2015, с.70].

Таким образом, как мы видим, взгляд Лосского обращен на новый университет (пользуясь терминологией М.К. Петрова), и, в отличие от М.К. Петрова, в дифференциации научного знания философ видит только необходимый этап на пути к органическому целому науки.

После анализа состояния дел в науке Н.О. Лосский переходит к вопросу организации университета. Как в науке есть деление на разные отрасли знаний, так и в университете есть деление на факультеты. И «если наука есть органическое единство, то и университет, воплощающий в себе совокупность всех отделов знания (*Universitas litterarum*) – согласно современному значению слова «университет», также должно быть органическим единством» [Лосский, 1993, 66]. Таким образом, согласно органическому миропониманию Н.Лосского, где «все имманентно всему», наука это органическое единство, которое стоит между университетом, как органическим единством научной деятельности и «органическим космосом, отражая последний и определяя научную жизнь университета» [Ермичев, 1993, 64].

Особое значение Лосский придает академической свободе на всех уровнях. Студент свободен при формировании своей образовательной траектории (студент сам должен «создавать для себя университет, конечно, при деятельном участии своих руководителей профессоров» [Лосский, 1993, 67], а профессора, они же ученые, должны быть свободны в определении своей исследовательской траектории поиска истины. Научная теория может содержать ложь, но «ложь научной теории не может быть удостоверена клеймом какого либо цензора – полицейского из министерства внутренних дел или даже из министерства народного просвещения. Она может быть вскрыта только другим более, глубоким научным исследованием, и так как ясно, что немислимо учредить департамент научных исследований для опровержения заблуждающихся ученых, то волею-неволею приходится предоставить контроль над деятельностью ученых только другим ученым, да и то не иначе, как в форме свободного соревнования их в искании истины и проповеди ее» [Лосский, 1906, 409].

По мнению Н.О. Лосского, все культурные страны усвоили эту мысль, из которой сделан весьма верный вывод, что деятельность университетов должна быть освобождена от руководства со стороны государства. Но принцип академической автономии и академической свободы реализован в неполной мере и предстоит скорее, как некий идеал, как маяк в далекой гавани, куда корабль под названием «Университет» держит путь. Позиция русского философа вполне понятна, учитывая, что Лосский описывает тот период времени в истории российских университетов, когда государство оставляло за собой право не утверждать в должности избранных университетом профессоров, устранять их от должности, лишать права преподавания, награждать орденами и т.д. Весьма неоднозначен был и статус философии в истории российских университетов. После царствования Александра I последовала жестокая политическая реакция, вследствие чего положение философии в русских университетах стало особенно тяжелым. Только после 1863 года, когда был введен новый университетский устав, положение философии значительно улучшилось, а затем, благодаря активной деятельности университетских профессоров, было преодолено негативное отношение властных структур Российской империи к философии.

Начало XX века в России ознаменовалось чередой трагических исторических событий – участие в Первой мировой войне, сильно ослабившей государство, революции, братоубийственная гражданская война. Примерно в это же время, в России вступает в фазу расцвета духовное движение, именуемое «русским религиозно-философским ренессансом», основы которого были заложены творчеством выдающегося русского философа Владимира Соловьева. Коренной перелом в культурно-историческом развитии России происходит после Октябрьской революции 1917 года, в результате которой власть оказывается в руках Ленина и большевиков.

Свободолюбивая интеллектуальная элита России не приняла советской власти и открыто ее критиковала, используя все доступные способы - научные статьи, преподавательские трибуны, периодические издания, публичные мероприятия. В государстве началась усиленная борьба с инакомыслием. К осени 1922 года советской властью было принято решение об отстранении от работы и насильственной высылке из страны выдающихся деятелей науки, медицины, литературы. В России произошла, своего рода, культурная революция, символом которой стал «Философский пароход».

После высылки из страны значительной части русской интеллигенции в единой связке «территория – наследие – идентичность - память», столь важной для существования и процветания нации, произошли кардинальные изменения. Осталась территория, правда, перекроенная границами нового государства – СССР. Возникла проблема построения новой идентичности – советской. Определенные «фрагменты» культурно-исторической памяти были стерты или интерпретированы так, чтобы они гармонично вписывались в идею исторической неизбежности крушения царского режима и победы марксизма-ленинизма в России. Что же касается культурного наследия, то нить преемственности в самой России была прервана. Произошел трагический и противоре-

ственный разрыв, деление на две последующих параллельных во времени линии развития: советской культуры, ареал распространения и развития которой определялся границами советского государства, и культуры русского зарубежья, насильно оторванной от материнского лона, но сохранившей и приумножившей многие традиции великой русской культуры.

Русская эмиграция возложила на себя миссию охранительницы православной веры, русского языка, русской литературы, поддерживала свободомыслие в философии, внедряла в эмигрантской среде лучшие традиции университетского образования прежней России. В этот же период, в СССР, начинался жесткий контроль со стороны государства за наукой и культурой, выразившийся в ограничении философии и гуманитарных наук рамками марксистско-ленинской идеологии, устранением инакомыслящих, отделении Церкви от государства.

Одним из примеров сохранения традиций – в сфере образования – является празднование 200-летия Московского Университета в 1955 году в Америке. В сборнике статей преподавателей и студентов университета, приуроченному к этому юбилею, один из ректоров Московского Университета Михаил Новиков перечисляет главнейшие традиции российской университетской жизни, «на которых, как на трех китах, покоилась, а подчас и бурлила наша академическая жизнь»: главная и основополагающая традиция – это высота научного уровня; вторая традиция – свобода воли и борьба за нее; третья традиция – «общественное служение, т.е. тесная связь с широкими кругами общества и работа на его просвещение» [Новиков, 1956, 22]. Следует особо отметить, что традиции университетской жизни, перечисленные М. Новиковым, не утратили своей актуальности и сегодня.

Н.О. Лосский свою статью в сборнике посвящает самым значительным, по его мнению, профессорам философии Московского университета – Л.М. Лопатину, С.Н. Трубецкому, Е.Н. Трубецкому. Упоминает он и о профессорах Н.Я. Гроде и М.М. Троицком. В целом же, философская культура, благодаря Московскому Психологическому обществу, журналу «Вопросы философии и психологии», «деятельности не только перечисленных профессоров, но многих приват-доцентов, а также частных ученых, стояла в Москве до большевистской революции очень высоко» [Лосский, 1956, 71].

Лейтмотивом сборника становится следующая мысль: «свобода науки, объективное искание истины несовместимы с системой крайнего государственного деспотизма» [Новиков, 1956, 13-14].

Будучи ярким противником тотального контроля государства над университетом и жизнью научного сообщества, Н.О. Лосский особо подчеркивает, что такими методами может насаждаться только та наука, которая будет служить эгоистическим целям государства, а не «та единая, вечная система знаний, которая называется просто наукою без всяких ограничивающих ее кругозор определений. Кто искренно хочет, чтобы университеты были прибежищем такой науки, тот должен требовать полной свободы университета и допускать связь между государством и университетом только в следующей форме: университет получает средства от государства, а государство взамен этого пользуется правом контроля над деятельностью университета, однако исключительно в форме надзора за выполнением университетского устава, нарушение которого может преследоваться судом» [Лосский, 1906, 410].

Конечно, предоставление такой полной свободы каждому отдельному университету было бы опасным, так как отдельная корпорация ученых может сделаться воплощением не всемирных интересов науки, а какого-то частного течения или каких-нибудь личных целей членов корпорации, поэтому полная автономия должна быть дана не каждому университету в отдельности, а «органическому целому» объединенных между собою университетов государства, во главе которого стоял бы «выборный Учено-учебный Совет, состоящий из ученых, выбираемых самими университетами, и представляющий собою высшую инстанцию для разрешения всех важнейших вопросов университетской жизни, требующих широкого кругозора и полного беспристрастия» [Лосский, 1906, 411]. Этот Совет мог бы избирать и утверждать профессоров, разрешать конфликты профессоров друг с другом и со студентами, решать важные вопросы, связанные с бюджетом.

М.К. Петров видит в человеке и в государстве основных социальных партнеров науки, которые обеспечивают ее деятельность и выступают условиями ее существования и функционирования как социального института. Наука, государство и человек зависят друг от друга. Наука возникает в государстве и связана с производством. Национальному государству наука нужна «как единственно надежный способ сохраниться и выжить на арене мирного сосуществования и соревнования систем», науке национальное государство обеспечивает ее потребности в кадрах, материальных средствах и оборудовании, а человек науке нужен как основное условие жизни – «без человеческой способности мыслить, создавать и фиксировать связи новых идей наука существовать не может» [Петров, 1992, 162]. Национальному государству нужна наука, это факт, а нужно ли науке государство? М.К. Петров полагает, что если на социальном горизонте появится другой институт наднационального или глобального характера, способный взять на себя исполнение функций национального государства по отношению к науке (обеспечение ее кадрами, средствами и т.д.), то наука вряд ли станет держаться за национальное государство с его ограниченными резервами, «тем более что в условиях, когда национальное государство вынуждено ради собственного сохранения содержать и опекать науку, а наука начинает тяготиться этой опекой критически поглядывать на своего опекуна, развертывается основной кризис современного этапа научно-

технической революции» [Петров, 1992, 162-163]. Представляется весьма интересным, что и Н.О. Лосский использует слово «опека», для определения отношений между наукой и государством, и речь также идет не столько о заботе, сколько о контроле со стороны «опекуна» – государства. Оба мыслителя едины в том, что науке нужны свободные, талантливые люди, способные самостоятельно мыслить, создавать новые связи идей, не падающие ниц перед авторитетами. Лосский настаивает на необходимости освобождения университетов от контроля со стороны государства и их полной автономии, в то время как М.К. Петров полагает, что наука для своего существования все же нуждается в социальных партнерах: «науке нужен человек – творец, а наука нужна государству» [Петров, 1992, 180].

Список литературы References

1. Ермичев А.А. 1993. Штрихи к пониманию философии Н.О. Лосским // Вестник Московского университета. Сер.7. Философия. №4: 64-69.
Ernichev A.A. 1993. Strokes to the understanding of the philosophy of N.O. Lossky // Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University]. Ser.7. Filosofiya. №4: 64-65. (in Russian)
2. Лосский Н. 1956. Профессора философии Московского Университета. В кн.: Двухсотлетие Московского Университета: Празднование в Америке / Коллект. авторов, Под ред. Новикова, М.М. New York: 71-73.
Lossky N.O. 1956. Professors of philosophy of the Moscow University. In: Dvuhstotletie Moskovskogo Universiteta: Prazdnovanie v Amerike / Kollekt. avtorov, Pod red. Novikova, M.M. [Two-hundredth anniversary of the Moscow University: Celebration in America]. New York: 71-73. (in Russian)
3. Лосский Н.О. 1993. Единство науки и университет // Вестник Московского университета. Сер.7. Философия. №4: 65-68.
Lossky N.O. 1993. The unity of the science and the university // Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University]. Ser.7. Filosofiya. №4: 65-68. (in Russian)
4. Лосский Н.О. 1906. Освобождение науки от опеки государства // Полярная звезда. №6 (19 янв.): 408-412.
Lossky N.O. 1906. The liberation of the science from the guardianship of the state // Polyarnaya zvezda [Polar Star]. №6 (19 yanv.): 408-412.
5. Новиков М.М. 1956. Традиции Московского университета. В кн.: Двухсотлетие Московского Университета: Празднование в Америке / Коллект. автор, Под ред. Новикова М.М. - New York, 1956: 13-30.
Novikov M.M. 1956. The traditions of Moscow University. In: Dvuhstotletie Moskovskogo Universiteta: Prazdnovanie v Amerike / Kollekt. avtorov, Pod red. Novikova, M.M. [Two-hundredth anniversary of the Moscow University: Celebration in America]. New York: 13-30. (in Russian)
6. Петров М.К. 1992. Самосознание и научное творчество. - Ростов-на-Дону: Изд. РГУ, 272.
Petrov M.K. 1992. Samosoznanie i nauchnoe tvorchestvo [Consciousness and scientific creativity]. Rostov-na-Donu, RGU, 272. (in Russian)
7. Петров М.К. 2015. Университет в системе социальных институтов // Научная мысль Кавказа. №3: 65-73.
Petrov M.K. 2015. University in system of social institutes // Nauchnaya mysl' Kavkaza [Scientific thought of the Caucasus]. №3: 65-73.